

УДК 159

*И.В. Реверчук***ПСИХОДИНАМИЧЕСКИЕ И БИХЕВИОРАЛЬНЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ БИОСОЦИАЛЬНОГО И ИНТРАПСИХИЧЕСКОГО КОНФЛИКТА**

С начала 1910-х гг. XX в. психиатрия и психология вступила в период открытого кризиса, который продолжается до сих пор. Это кризис методологических основ психологии, в результате которого наметились две тенденции изучения человеческой природы – социодинамическая и психодинамическая [6-7; 16-20]. Дистанцируясь от полемики парадигмальных дискуссий, при рассмотрении в клиническом аспекте базовых механизмов неврозогенеза мы видим общие психобиологические закономерности взаимовлияния социального на интрапсихическое начало, приблизительно описанные формулой Г. Олпорта: $R = F(B, C)$, где В – внутренние, субъективно-психологические свойства личности; С – социальное окружение, а F – знак функциональной зависимости [1; 2]. Создавая концепцию базового невроза, З. Фрейд всё многообразие инстинктов-побудителей сводит к двум основным группам, вводя понятие обобщенного инстинкта – «инстинкты жизни» (Эрос) и «инстинкты смерти» (Танатос) [12]. Созданная великим австрийцем психодинамическая парадигма оказала огромное влияние на теорию и практику психиатрии и психологии. Но до сих пор остается открытым вопрос: «Детерминированы ли инстинктивные побуждения человека средовым и социальным окружением или они строго личностно индивидуальны, и насколько они влияют на изменение поведения и возникновения невроза?». В работе «Психология масс и анализ человеческого Я» З. Фрейд утверждает, что «природный инстинкт предъявляется в качестве основания для идентификации «толп» и соотносится с проявлениями природной сущности индивидуального существования». В дальнейшем проблема идентификации в группе рассматривается через «подражание» (Г. Тарда), «духовное единство» (Г. Лебон, 1998), «интенсивность душевного движения» (С. Сичеле, 1998), «круговую реакцию», которая характерна для «коллективного поведения» (Г. Блуммер), «мимесис» как проявление «закона подражания» (С. Московичи, 1998) [2; 3; 9; 17].

Ключевые слова: психодинамика, социодинамика, неврозгенез, интрапсихическое начало, З. Фрейд.

Еще А.Г. Иванов-Смоленский (1974) отмечал, что «на все многообразие внешних и внутренних факторов среды организм отвечает ограниченным, генетически детерминированным количеством реакций», но до сих пор неясен ответ на вопрос: «Заложены ли эволюционно в человеке механизмы изменения поведения при значимо изменяющихся факторах внешней или внутренней среды?» (1, 13, 14, 15). Междисциплинарный подход позволяет взглянуть на данную проблему с точки зрения структурной антропологии и этологии – науках, изучающих человеческое в поведении животных. Большим подспорьем в данном метаанализе являются фундаментальные труды Ю.М. Плюснина (1990) [5].

Ответ неоднозначен и интересен: происходит изменение (по мере давления микро- и макро среды) *стереотипа, ритуала, традиции и архетипа* поведения и отношений животных. Под популяционным гомеостазом обычно понимается устойчивость демографической и генетической структуры популяции на относительно больших временных интервалах. Один из критериев популяционного гомеостаза – численность-плотность популяции. Концепция популяционного гомеостаза в экологии связана с представлением о «стремлении» каждого вида к неограниченному размножению, сдерживаемому у человека личностными и социальными установками. При этом насыщение численности и расход ресурсов наступают достаточно быстро, и возникает необходимость в соответствующих регуляторах, способных сдерживать рост численности популяции. Детальные научные исследования процессов взаимодействия популяций со средой выявили два типа популяций, имеющих разные стратегии приспособления к изменяющимся внешним условиям. Р. Мак-Артур и Э. Вильсон (1967) предложили модель r-K-отбора, соответствующую двум типам популяционных стратегий. Популяции, для которых характерна r-стратегия («оппортунистические» популяции) «стремятся» к максимальной продуктивности в максимально короткие сроки, что наблюдается в изменчивой, нестабильной или неопределенной среде. При такой стратегии плотность популяции находится в прямой пропорциональной зависимости от ее численности, а основным регулирующим механизмом для популяции является среда. Данный тип фактически не наблюдается в человеческой организации, проявляясь лишь в период природных катаклизмов и реализуясь в усилении миграции и ростом расстройств адаптации мигрантов. Популяции, для которых характерна K-стратегия (равновесные популяции), чаще находятся в состоянии

равновесия со своими ресурсами, и их плотность близка к предельной плотности насыщения для данного вида (параметр K). Они, как правило, обитают в устойчивой или предсказуемо изменяющейся среде, что характерно и для вида *homo sapiens*. Поэтому основными механизмами популяционной регуляции выступают здесь *внутрипопуляционные* механизмы. Среди них главную роль играют механизмы *поведенческие*, направленные – и по времени, и по форме – на поддержание стабильной плотности и численности.

По данным Ф.З. Мейерсон (1981), изменение поведения вызывает серию сцепленных реакций на психофизиологическом, физиологическом, биохимическом и цитогенетическом уровнях – «системный структурный след», который может прямо фиксироваться в геномном пуле популяции. Многочисленные исследования показывают, что поведенческая регуляция численности и плотности популяции присутствует практически у всех видов животных и не зависит от типа стратегии. В настоящее время выделяют три поведенческих механизма регуляции популяционного гомеостаза: 1) изменение индивидуального поведения животных при кратковременных или долгосрочных изменениях среды; 2) обратимая трансформация структуры сообщества (дема, калана, стаи и т.п.) – изменение структуры взаимодействий между индивидами в рамках отдельного сообщества, в результате чего меняется сама форма сообщества. Переход от одной формы к другой затрагивает либо все виды взаимодействий между индивидами, либо только основные; 3) изменение поведенческой организации всей популяции. Все три поведенческих механизма регуляции взаимодействуют, но центральным звеном остается механизм трансформации *социальной структуры* сообщества (Шилов, 1977). Обратим внимание на главное свойство социального поведения при двойственности его функции: при видимой пластичности социальное поведение сугубо консервативно. Все варианты структуры отношений заранее детерминированы, и переходы от одной структуры к другой осуществляются по *определенным* правилам и сообразно конкретным условиям. Неравенство индивидов в сообществе по предоставленным благам и по возможностям реализации своего репродуктивного потенциала – явление всеобщее и в своей основе может быть не связано с социальными механизмами. Например, у человека 40 % ныне живущей популяции дают 60 % потомков, а 60 % – только 40 % потомков (Cavalli-Sforza, Bodmen, 1971).

При возникновении «конфликта» со средой изменяются *стереотипы* поведения. Понятие «стереотип» («твердый отпечаток») – междисциплинарное, оно широко используется в науках о поведении (этологии и психологии) и социогуманитарных дисциплинах. Под стереотипом подразумевается не отдельный поведенческий акт (фиксированный моторный акт), а организованная совокупность таких актов. Накопленные научные данные постулируют: во всех «разрешенных» случаях эволюция поведения направлена в сторону его *стереотипизации*, а не вариативности (Ю.М. Плюснин, 1990). Следовательно, детерминанты стереотипного поведения могут быть разной природы: генетической, эпигенетической, социокультурной. Проблема соотношения между ними выглядит следующим образом: возможен ли переход стереотипов поведения из-под контроля одного управляющего механизма под контроль другого и обратно? На индивидуально-поведенческом уровне стереотип является атомарным признаком, независимо от того, детерминирован ли он генетически или приобретен и закреплен обучением. Стереотипы как социальные знаки, как *ритуалы* – признаки уже структурные, даже если они полностью наследственно обусловлены. Поэтому любые стереотипы могут стать ритуалами и приобрести социальный смысл, но только в случае *необходимости* в этом сообщества. Подобный процесс несколько случаен: неважно, какой поведенческий акт используется в качестве кандидата на *ритуал*; главное, чтобы он удовлетворял конкретным требованиям. Прежде всего – мог выполнять социально необходимую функцию переструктуризации сообщества, необходимость в которой возникла в данный момент. Подчеркнем важный момент: изменение стереотипа поведения имеет адаптивный для индивида характер. Например, при отсутствии способности для выраженного адаптивного психоэмоционального напряжения, необходимого для идиоадаптации, возникают психологические защиты, включая отвлечение, кооперацию, ритуальное поведение, уклоняющееся поведение, снижение уровня вигилитета.

Механизм происхождения *ритуалов* в человеческом обществе определяется по аналогии со схемой, предложенной Тинбергеном для животных: социальные институты и средства социальной регуляции, обеспечивающие соблюдение *традиций*, базируются на общественном мнении. Общественное мнение, в свою очередь, основано на предрассудках, сложившихся ввиду *стереотипности* мышления. Так выглядит доказанный путь от индивидуального сознания и поведения к социальным стереотипам, архетипам, мифам (Кэмпбелл, 1979). Дальнейшая перспектива функционирования социального сте-

реотипа однозначна: при наличии во всяком обществе мощных механизмов сохранения и воспроизведения (так называемой «социорегулятивной подсистемой») стереотип поведения с бывшим ранее адаптивным свойством уже в качестве ритуала многократно воспроизводится в течение длительного времени после того, как изменилась среда, вызвавшая необходимость в нем (Э.С. Маркарян, 1983). Свойство перестает быть адаптивным, но сохраняет ритуальное значение! Поэтому традиционное общество с развитой системой ритуального поведения не обязательно является обществом, хорошо приспособленным к среде своего обитания (особенно в длительной исторической перспективе) (В. Тернер, 1983; Леви-Стросс, 1991; Пропп, 1995). Отмечается ряд особенностей ритуалов, которые характеризуют их как обусловленные, социально-структурные признаки: 1) в отличие от стереотипа операциональное поле ритуала очень широко, он может быть и нецеленаправленным; 2) ритуал, как правило, условен, конвенционален и общепонятен; 3) ритуал всегда имеет особую, социорегулятивную цель, а именно создание поведенческого и психологического *единства* в сообществе (Шрейдер, 1979). Последняя отличительная особенность ритуала подводит нас к проблеме функционального значения социального поведения. Аналогичная адаптивная функция присуща и ритуальному поведению: «во многих случаях удобнее поступить “как принято”, чем каждый раз решать задачу выбора наиболее целесообразного поведения» (Шрейдер, 1979). Свободное «поисковое» поведение в повседневной жизни человека проявляется относительно редко и обычно требует значительного психоэмоционального напряжения, инициативности, личностной пластичности. Но «как принято» зачастую не согласуется с «как хочу», запуская механизмы гиперкатексиса, сублимации, конверсии, диссоциации.

Процесс стереотипизации поведения включает освоение среды, ее организацию и включение в «картину мира» данного сообщества и требует значительных усилий и напряжения. В то же время, выработанный и интернализированный (усвоенный) стереотип приобретает новую функцию: он позволяет автоматически предпочитать *своего в своем*. При характерологической или социокультурной «неспособности» к мобилизационному напряжению, завышенной мотивации и(или) недостатке в энергии / информации / времени, необходимых для адаптации, формируется конфликт влечений, потребностей, желаний, создавая почву интрапсихического конфликта, чаще всего – в неосознаваемой сфере. Сложность функционирования человека заключается в одновременном существовании в разноуровневых системах: семья, работа, улица, село, страна и т. д. Неконструктивные стереотипы включаются в патологические «ритуалы», детерминируя развитие ППП: «треугольник» Карпмана, созависимые семьи, деструктивные копинг-стратегии. Наиболее сильную дезадаптацию испытывает человек при разрушении системы ритуального поведения, именно той системы, в которой он был воспитан (социализирован и инкультурирован). Включение в новую культурную среду обязательно приводит к принятию новой системы ритуального поведения. Эта проблема современного мира «перемешивающихся культур» лучше всего отражает трудности выработки новых ритуалов и традиций на индивидуальном уровне и на уровне сообщества, формируя невротичность современного общества (так блестяще описанную представителями гуманистического направления в психологии и философии).

Основная функция ритуально-традиционного поведения – социорегулятивная, именно в ритуальной деятельности индивидов «следует видеть внутренний источник самодвижения и активности социальной системы» (Маркарян, 1983). Сообщество как средство обеспечения совместной деятельности индивидов в своем развитии формирует и выдвигает ряд новых специфических потребностей, которые не имеют индивидуально-витального значения (не являются жизненно значимыми для индивида), а представляют собой потребности поддержания самого сообщества в качестве *социальной системы* как интегрированного целого. В социальной системе возникает социорегулятивная подсистема как средство реализации данных потребностей. Активность социорегулятивной подсистемы направлена вовнутрь — на регуляцию структуры взаимодействий индивидов и поддержание на этой основе *целостности* всей системы. Непосредственным механизмом социорегулятивной подсистемы является институционализация — установление правил, норм, упорядочение поведения и его регламентация, что достигается с помощью ритуалов (не о том же ли писал Э.Берн?). При недостатке ресурсов конструктивная институционализация приводит к появлению «яслей», одновозрастных альянсов (характерно для самцов), «гаремов», межполовых альянсов (при этом сексуальные отношения исчезают) (повышение Эроса). Деструктивная же — детерминирует образование «банд», гомосексуальных отношений, суицидального поведения (повышение Танатоса). Давление неблагоприятной среды приводит к «выдавливанию» на периферию ареала менее ценных для популяции индивидов — молодняка и пожилых от «ядра», которое составляют фертильные самцы и самки зрелого возраста. Если О.В. Кербилов считал

«пограничные психические расстройства своеобразным барометром социально-экономического состояния общества», то заболеваемость ППР детей, подростков и пожилых является «индикатором уровня самих невротических расстройств» (А.А. Чуркин, И.В. Реверчук, 2003).

Различение по функциям ритуалов и стереотипов позволяет определить их цели. Цель стереотипного поведения заключается в воспроизводстве индивидуально ценного поведения, в сохранении генетической преемственности. Конечная цель любого ритуального поведения – обеспечение социального единства сообщества. Индивидуальные витальные потребности выступают как различные формы сохранения: потребности самосохранения (потребности в пище и питье – ресурсах поддержания жизни) и потребности воспроизводства себя в других. В сообществе эта потребность сохранения приобретает новые формы и выступает как потребность сохранения *себя в сообществе*, выражаясь в поиске и удержании своего места в сообществе; и как потребность сохранения своего сообщества. В сообществе отношение к среде как примитивная персонализация ближайшего окружения осуществляется через транзакции с сородичами по поводу ресурсов. Если в отношении пищи как ресурса вопросов не возникает, то с пространством действительность намного сложнее. Ресурсом может быть не всякое пространство, а только имеющее социальную ценность, и качество пространства как ресурса зависит от его ценности, а не от его величины. Отсутствие внутреннего индивидуального «пространства свободы», отдельного жилья, рабочего пространства и перенаселенность городских конгломератов являются одними из биологических триггеров возникновения ППР и аутодеструктивного поведения.

Второй инвариант сохранения касается воспроизводства. Взаимодействия двух или нескольких индивидов, направленные на воспроизводство себя, многообразны и с трудом поддаются какой-либо классификации. Но отношения, возникающие в результате этих многообразных взаимодействий, универсальны и осуществляются в сообществе, выступая как инвариант социальной организации («институт семьи»). Предыдущие инварианты обусловлены всепоглощающе лишь социально-витальными потребностями: потребностью сохранения себя в сообществе посредством сохранения своего места в нем и соответствующей роли; и потребностью сохранения своего сообщества через поддержание дружеских отношений с ближайшими сородичами.

Наверное, бессмысленно искать «биологические корни» в общепринятых ритуалах человеческого общества: ритуалы не возникают в эволюции из чего-то простого, индивидуально-биологического – они появляются сразу, с момента возникновения сообщества. И они, безусловно, специфичны. Можно прогнозировать, что начавшийся в последнее время в этнологии, этнографии и этнопсихологии бум феноменологической классификации этнических стереотипов, этикета и ритуалов обречен на неудачу: каждое общество, как бы мало оно ни было, порождает свои собственные ритуалы и этикет, для непосвященного обычно бессмысленные (Ю.М. Плюснин, 1990). По утверждению В.Н. Карповича (1989), социальную структуру нельзя объяснить с помощью «естественной» классификации индивидов, на каких бы принципах она ни строилась. Социальные признаки человека не могут быть выведены из его индивидуальных характеристик, «социальные признаки вообще и место в социальной структуре в частности суть реляционные свойства, которые возникают лишь в системе определенных общественных отношений».

Это утверждение имеет универсальный характер и распространяется на социальные системы животных. Индивидуальность индивида может измерить антрополог, но индивидуальность поведения любого существа вне социального контекста лишена смысла. Каждый из людей помещен в «четырёхмерную систему координат», поведение каждого социально обусловлено. Следовательно, любое поведение в сообществе оказывается относительным, наряду с генетическим детерминированным социальным контекстом, в котором действуют субъекты. Потребности и диспозиции индивида являются признаками настолько социально определенными, что, не зная местоположения и роли данного индивида в сообществе, невозможно классифицировать мотивы и цели его поведения (Ж.К. Леви-Стросс, 1994). «Нормы» поведения устанавливаются в каждом сообществе независимо и обусловлены конкретными формами социальных отношений. Поэтому как «нормативность» поведения, так и его «моральность» в итоге оказываются реляционными характеристиками, признаками сообщества (Д.Д. Фрезер, 1983).

Подавляющее большинство ученых-этологов сходится в одном – в отрицании эволюционных процессов в социальной жизни животных (дискуссионный вопрос: а у человека?). «Архетипичность» социальной организации, базирующаяся на четырех универсальных типах отношений индивида с со-

родичами, в которые он вступает по необходимости и независимо от того, на какой ступени «зоологической лестницы» располагается тот или иной вид, должна свидетельствовать о том, что многообразие форм социальных систем представляет собой вариации на одном качественном уровне, но не качественные различия, связанные с уровнем социальной организации. Сами взаимодействия, с учетом различий между собой, имеют общее основание и общие инвариантные формы отношений и, говоря языком эволюционистов, перед нами всего лишь «социальная идиоадаптация», но не ароморфоз, не переход на новый уровень организации.

Таким образом, психотерапевтический анализ, сфокусированный только на социокультуральных или внутриличностных механизмах возникновения и развития пограничных психических расстройств, является однобоким. Биопсихосоциальный подход позволяет учесть психобиологические механизмы возникновения и развития невротических расстройств и оценить роль позитивных и негативных стереотипов, ритуалов, традиций и архетипов как популяционных детерминант. Само социальное существование человека изначально инстинктивно и популяционно обусловлено. Можно предположить, что в процессе духовного роста, повышения уровня самосознания человека индивидуальные и популяционные инстинктивные детерминанты поведения осознаются и лишаются своего влияния, а в процессе личностного регресса в результате психических, наркологических, экзогенно-органических заболеваний, напротив, все больше управляют природой «человеческой». Анализ интрapsихического конфликта конкретного клиента вне социального контекста зачастую не соответствует реальности, смещаясь к конструктам модели, в которой работает терапевт. Комплексный биопсихосоциальный анализ этиопатогенеза пограничных психических расстройств позволяет в каждом конкретном случае осознать/изменить психобиологические поведенческие паттерны больного невротическими расстройствами, образуя платформу саногенетического процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иванов-Смоленский А.Г. Очерки нейродинамической психиатрии. М., 1974.
2. Леви-Стросс Ж.К. Культурная антропология. М., 1994.
3. Леви-Стросс Ж.К. Первобытное мышление. М., 1991.
4. Мейерсон Ф.З. Адаптация, стресс и профилактика. М., 1981.
5. Плюснин Ю.М. Проблема биосоциальной эволюции. Новосибирск, 1990.
6. Реверчук И.В. Роль этнического самосознания в клинической динамике пограничных психических расстройств (на примере славян и финно-угров): дис. ... д-ра мед. наук / ГУ «Санкт-Петербургский научно-исследовательский психоневрологический институт». СПб., 2008.
7. Реверчук И.В. К вопросу экспертизы соблюдения принципов доказательной медицины при проведении клинических исследований (на примере психиатрии) // Проблемы экспертизы в медицине. Ижевск, 2006. С. 29-31.
8. Реверчук И.В. Сравнительная характеристика структуры пограничных психических расстройств у больных из славянской и финно-угорской субпопуляций. // Российский психиатрический журнал. 2007. № 4. С. 43-47.
9. Тернер В. Символ и ритуал. М., 1983.
10. Тукаев Р.Д. Психотерапия: структуры и механизмы. М., 2003.
11. Фрезер Д.Д. Золотая ветвь: исследование магии и религии». М., 1983.
12. Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого Я. // Фрейд З. Я и ОНО. М.: Эксмо-Пресс; Харьков: Фолио, 1999. С. 769-838.
13. Чернышова Т.Е., Реверчук И.В., Меликян И.А. Стресс как предиктор метаболического синдрома // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. 2013. № 3. С. 106-109.
14. Чуркин А.А., Реверчук И.В. Структура и динамика этнического самосознания у больных с невротическими расстройствами из славянской и финно-угорской субпопуляции // Неврологический вестник. Журнал им. В.М. Бехтерева. 2007. Т. 39, № 3. С. 32-38.
15. Эшмаков С.В., Меликян И.А., Чернышева Т.Е., Ерашева М.В., Реверчук И.В. Профессиональные особенности формирования ожирения у сотрудников госавтоинспекции // Вестник современной клинической медицины. 2014. Т. 7 (П1). С. 120-122.
16. Igor Reverchuk. Gnoseological and methodological crisis and new diagnostic concepts in psychology and psychiatry: focus of attention to addiction diathesis // Canadian Journal of Science, Education and Culture, 2014, No. 1. (5) (January-June). Vol. II. Toronto: Toronto Press, 2014. P. 415-423.
17. Igor Reverchuk. Gnoseological and methodological crisis and new diagnostic concepts in psychology and psychiatry: focus of attention to addiction diathesis. / Proceedings of the 1st International Academic Conference "Science and Education in Australia, America and Eurasia: Fundamental and Applied Science". Australia, Melbourne, 25 June 2014. Vol. I. Melbourne: Melbourne IADCES Press, 2014. P. 530-535.

18. Igor Reverchuk. Methodological contradictions of modern researches of ethnic tolerance and identity in psychology and psychiatry // American Journal of Scientific and Educational Research, 2014, No.1. (4) (January-June). Vol. II. New York: Columbia Press, 2014. P. 535-542.
19. Igor Reverchuk. Gnoseological and methodological crisis and new diagnostic concepts in psychology and psychiatry: focus of attention to addiction diathesis. /British Journal of Science, Education and Culture, 2014, No.1. (5) (January-June). Vol. III. London: London University Press, 2014. P. 270-277.
20. Igor Revechuk. Cross-cultural and ethnocultural features of presence of mental disorders in the world today. /Australian Journal of Scientific Research, 2014, No.1. (5) (January-June). Vol. III. Adelaide: Adelaide University Press, 2014. P. 345-353. Proceedings of the Journal are located in the Databases Scopus. Source Normalized Impact per Paper (SNIP): 3.756 SCImago Journal Rank (SJR): 3.885

Поступила в редакцию 02.02.15

I.V. Reverchuk

PSYCHODYNAMIC AND BEHAVIORAL MECHANISMS OF FORMATION OF BIOSOCIAL AND INTRAPSYCHIC CONFLICT

Since the early 10-ies of the twentieth century, psychiatry and psychology entered a period of an open crisis, which continues to the present day. This is a crisis of methodological foundations of psychology which resulted in two tendencies of human nature study – sociodynamic and psychodynamic [6-7; 16-20]. Distancing from paradigmatic discussions, the author, considering in the clinical aspect the basic mechanisms of neurogenesis, distinguishes common patterns of mutual influence of social and intrapsychic origins approximately described by the formula G. Olporta: $R = F(B, C)$, where B – internal, subjective psychological properties of a person; C – social environment, and F – a sign of functional dependence [1; 2]. Creating the basic concept of neurosis, Freud reduces all the diversity of instincts-boosters to two main groups, thus introducing the concept of a generalized instinct – “life instincts” (Eros) and “death instincts” (Thanatos) [12]. Established psychodynamic paradigm of a great Austrian had a huge impact on the theory and practice of psychiatry and psychology, but still there is an open question: “Are human instinctual drives determined by environment and social surroundings or are they strictly individual, and how much do they influence the behavior changes and the emergence of neurosis?” In his work “The Psychology of the masses and the Analysis of the Ego,” Freud argues that “a natural instinct is presented as a basis for the identification of “crowds” and corresponds to the manifestations of the natural essence of individual existence.” Further, the problem of identification in a group is viewed through the “imitation” (G. Tarde), “spiritual unity” (G. Lebon, 1998), “the intensity of spiritual movement” (S. Sighele, 1998), “circular reaction” typical for “collective behavior” (G. Blummer), “mimesis” as a manifestation of the “law of imitation” (Moscovici, 1998) [2; 3; 9; 17].

Keywords: psychodynamics, sociodynamics, neurogenesis, intrapsychic origins, Z. Freud.

Реверчук Игорь Васильевич,
доктор медицинских наук
ФГБОУ ВПО «Удмуртский государственный университет»
426034, Россия, г. Ижевск, ул. Университетская, 1
E-mail: Igor7272igor@gmail.com

Reverchuk I.V.,
Doctor of Medicine
Udmurt State University
426034, Russia, Izhevsk, Universitetskaya st., 1
E-mail: Igor7272igor@gmail.com